

Анлэ попала в другой мир. Кто бы мог подумать, что она, прожившая жизнь с достоинством, будет насмерть затоптана лапой тощей собаки. Прежняя жизнь закончилась бесславно, нынешняя началась не лучше — ну разве не трагедия? Переодетая в мужчину, наследница прославленного военного рода, она не способна даже курицу удержать...

Ан Хаотянь (старший брат): — Никчемность!

Ан Хэ (четвертая сестра): — Ан Лэтянь! Живо подними этот камень! Если у тебя нет сил даже на это, не смей называть себя моим третьим братом!

Любопытные горожане утирали слезы: — Великий генерал Ан всю жизнь защищал страну и народ, прошел сотни сражений, как же у него мог родиться такой бесполезный сын-красавец?

Ан Лэ (свирепо): — Не ваше дело! Я что, ваше зерно ем?!

Жизнь Ан Лэ после перемещения была одновременно печальной и забавной. Она всего лишь хотела зарабатывать деньги, пересчитывать их и тратить, но почему её постоянно кто-то прижимает к земле и избивает? Хорошо хоть, что есть нежная вторая сестра, которая служит ей телохранителем...

Ан Цзин (вторая сестра): — Ты мне нравишься.

Сможет ли никчемный отпрыск военного рода совершить прорыв и заключить красавицу в свои объятия?

— Ан Лэ! Ан Лэ! Скорее смотри! Это же постер группы Мэйюэтянь! Они выпустили новый альбом! Вау, пойдем скорее купим! — Юй Цзя взволнованно теребила полу одежды Ан Лэ, указывая на огромный плакат за витриной магазина дисков на другой стороне улицы.

Ан Лэ, не поднимая головы, продолжала листать журнал и вяло отозвалась:

— Не пойду, мне они не интересны...

Юй Цзя взревела:

— Ан! Лэ! Почему ты после окончания пятых выборов АКВ48 ходишь как привидение? Я, твоя лучшая подруга, пожертвовала драгоценным временем, которое могла бы провести с парнем, чтобы вытащить тебя на прогулку, а ты так со мной поступаешь?

Стоило Юй Цзя упомянуть АКВ48, как из глаз Ан Лэ брызнули слезы:

— Дзак-дзэ заняла первое место, а моя Ю-су — только второе! Моя госпожа — девятая, королева собирается уходить, красавица тоже... В будущем в АКВ48 будут одни незнакомые девицы! А самое страшное, что в чатах требуют, чтобы госпожа тоже ушла! Что тогда делать

моей Ю-су? А?

Юй Цзя скривила губы:

— Ты настоящая фанатка до мозга костей, и пейринги у тебя такие странные. Если они все выйдут замуж, что ты будешь делать?

— Умри! — Ан Лэ издала такой пронзительный вопль, что продавец в газетном киоске подскочил от испуга. — Госпожа принадлежит моей Ю-су! Ю-су принадлежит моей госпоже! Замужество в мои планы не входит! Не смей даже упоминать об этом, не доводи меня до сердечного приступа! — Ан Лэ яростно ткнула пальцем в нос Юй Цзя.

— Псих, просто псих... — Юй Цзя беспомощно покачала головой. — Сиди тут со своим журналом, я схожу куплю альбом и вернусь.

— Хозяин! Сколько стоит этот журнал? — Ан Лэ резко развернулась и шлепнула журналом перед трясущимся стариком.

Бедный старик, напуганный сумасшедшим поведением девушки, чуть было не сказал, что отдаст бесплатно, но ему ведь нужно было кормить семью. Поправив очки, он увидел, что девушка вроде бы успокоилась, и дрожащими пальцами показал десять пальцев:

— Десять юаней.

«Ужас, почему всё так дорого!» Ан Лэ смиренно полезла за кошельком, но в этот момент монета в один юань выскользнула из рук и покатилась прочь.

— А! Мои деньги! — Ан Лэ, до безумия любящая деньги, бросилась в погоню, напрочь забыв о журнале и своей подруге.

Место было на возвышенности, поэтому монета катилась очень быстро. Хм? Она что, умеет поворачивать? Монета катилась, Ан Лэ бежала следом, пока та не закатилась в тупик.

— Хе-хе-хе, думала, убежишь от меня? — Ан Лэ злорадно усмехнулась, нагнулась, ловко подняла монету и сдула с неё пылинку.

Внезапно кожу головы пронзило холодком.

Убийственная аура! Ан Лэ резко обернулась.

— Гав! Гав! Гав-гав! — тощая, облезлая собака с оскаленными зубами яростно лаяла на неё.

Первая мысль: какая уродливая собака!

Вторая мысль: она лает на меня?

Третья мысль: я влипла, что делать... Срочно! Жду ответа онлайн!

— Эй! Ты, бродячая псина, чего тебе надо? — Ан Лэ струсила. — Ты что, укусить меня хочешь?

[Твою мать! Ты наступила на мой куриный окорочок!] — собака свирепо уставилась на неё.

— А? — Ан Лэ, разумеется, не поняла ни слова, но заметила, что подошва её обуви стала липкой. Она посмотрела вниз...

— Черт! Я вляпалась в дерьмо! — взвыла Ан Лэ.

Собака от ярости подпрыгнула.

[Я этот окорочок несколько дней берег, а ты его раздавила в кашу! И еще смеешь называть его дерьмом? Ты хоть подумала о моих чувствах?!]

Перед глазами Ан Лэ всё поплыло. В следующее мгновение грязная собачья лапа невероятно увеличилась в размерах, и через секунду девушка с грохотом отлетела в сторону!

Да! Её пнули! Её пнула собака!

Боже! Неужели нынешние собаки пользуются читами? И она начала харкать кровью! Она умрет? Неужели она станет первым человеком в мире, которого собака забила насмерть? Ей даже слышалось что-то вроде «я-ча»...

Брат Пес, сколько тебе лет? Ты, должно быть, большой поклонник Брюса Ли?

— Янь-ван, твой Сяо Бай человека до смерти забил.

Черный и Белый Неотвратимые с темными лицами смотрели на Янь-вана, восседавшего на троне.

— Что? Этот негодник! Я был так занят, что не следил за ним несколько лет, а он убийство совершил!

Черный и Белый Неотвратимые промолчали, сделав вид, что не слышали слов про жестокое обращение Янь-вана с животными. Однако, если бы не эта новая душа, чей срок жизни еще не вышел, Янь-ван, наверное, никогда бы не вспомнил о Сяо Бае. Быть собакой в мире людей, а потом быть брошенным после того, как Янь-ван поигрался с тобой несколько дней — это было слишком жестоко.

— Может, вернем её душу обратно? — спросил Янь-ван, изучив досье.

— Нельзя, — серьезно ответил Черный Неотвратимый. — Тело уже забрали врачи, констатировали смерть. В мире живых очень чувствительны к воскрешению. Если мы вернем её, её тут же заберут в исследовательский институт, и через пару дней она снова окажется у нас.

— Тогда пусть перерождается! И в этот раз без порции супа Мэн По! — Янь-ван перестал ковырять в носу и небрежно махнул рукой.

Черный Неотвратимый, поблуднев, ловко увернулся от летящего в него черного сгустка и потащил Белого прочь. Отбежав на километр к реке Забвения, они начали истошно блевать.

— Раз уж ты пострадала из-за Янь-вана, мы поможем тебе найти хорошую семью! — Белый Неотвратимый нежно посмотрел на нить души, скатал её в шарик и бросил в белоснежный унитаз.

Черный Неотвратимый, листавший бумаги, остолбенел:

— Что ты делаешь?

— Отправляю её на перерождение, а что?

— Это же канал в другой мир! Он еще не доработан! Ты отправишь её туда, и неизвестно, человеком она родится или животным! Мы всегда пользуемся вот этим! — Черный Неотвратимый в ярости отодвинулся, открыв старый грязный унитаз.

Белый Неотвратимый застыл в ужасе.

Вот она, беда близорукости! Мир для него — сплошное плоское пятно. На расстоянии двадцати метров он не отличал самца от самки, на тридцати — человека от зверя. Он поклялся, что завтра же закажет себе очки!

Малышка Ан Лэ, прости нас!

Неизвестно, сколько прошло времени, но Ан Лэ начала приходить в себя. Сначала она услышала женский крик, то затихающий, то переходящий в истошный вопль.

«Неужели А-Я снова смотрит фильмы в общежитии? Неужели нельзя сделать потише?» Ан Лэ почувствовала, как лицо горит, но тут же ощутила, что её что-то плотно окружает — теплое, но удушающее.

«Нет! Меня похитили? Женщина снаружи кричит, потому что её пытаются, а потом очередь дойдет до меня?»

Смутно доносились другие голоса:

— Госпожа, тужьтесь! Уже видна головка ребенка!

— Госпожа, поднажмите! Генерал ждет снаружи!

«Тужиться? Головка ребенка? Почему это похоже на роды? Госпожа? Генерал? Я сплю?»

С истошным криком женщины Ан Лэ почувствовала, как её тело освободилось от оков.

— Госпожа, госпожа, это маленькая госпожа! Она так похожа на вас! Посмотрите, какая красавица!

Кто-то взял её на руки. Ан Лэ твердила себе: «Я сплю, я точно сплю!» Она — девушка ростом 175 сантиметров, а эта женщина держит её как младенца. Если только она не попала в страну великанов!

— Нет, ребенок не плачет! Скорее, дайте его мне! — раздался пронзительный женский голос, похожий на крик торговки на рынке.

Затем Ан Лэ перевернули, и чья-то пухлая ладонь с силой ударила её по попке.

— Хлоп!

Было больно... до смерти больно!

«Та, что меня ударила — толстуха! Проклятая толстуха! Ты думаешь, у всех кожа такая же толстая, как у тебя?!»

Ан Лэ, заливаясь слезами, открыла рот, чтобы выругаться, но...

— Уа-уа-уа... — раздался плач новорожденного.

Ан Лэ в шоке закрыла рот. Это... это её голос? Она стала младенцем? Кто-нибудь, объясните, что происходит!

Но никто не мог ей ответить. Закутанную в пеленки, её передали в другие руки.

— Давай... дай её мне... — раздался приятный, но очень слабый голос. — Тише, дитя, не плачь... — нежное прикосновение ко лбу заставило сердце Ан Лэ растаять.

Она вспомнила свою мать. Хотя та была грубовата, но, возможно, когда Ан Лэ была такой же крохой, мать обнимала её так же нежно?

Свет был тусклым — вероятно, наступал вечер. Ан Лэ изо всех сил открыла заплаканные глаза и замерла. Перед ней было прекрасное лицо, бледное, но невероятно красивое. Она никогда не видела женщин такой красоты!

Служанка А-Я прикрыла рот рукой:

— Посмотрите, маленькая госпожа так смотрит, словно ослеплена красотой госпожи.

Мужун Пиньжу улыбнулась:

— Глупости, что ребенок может понимать?

— Отец и остальные ждут снаружи? — спросила Мужун Пиньжу.

— Да, госпожа.

— С древних времен мужчины могли иметь много жен и наложниц, а женщины обязаны были следовать трем подчинениям и четырем добродетелям. Брак — это приказ родителей и слова свахи. Редко кому удастся выйти замуж по любви, — печально произнесла Мужун Пиньжу. — Бедное моё дитя, я так хотела бы увидеть, как ты растешь, но моя жизнь подходит к концу. Твой отец вечно на границе, а Ао Сюэ ненавидит меня и не будет добра к тебе. Если ты станешь ей помехой, она выдаст тебя замуж за кого попало... — она вытерла слезы. — Я не могу дать тебе крепкое здоровье, так позволь мне дать тебе мужской статус. Жизнь может быть тяжелой, но это лучше, чем страдать в чужой семье. А когда встретишь любимого человека, будет не поздно раскрыть правду.

— Госпожа! — А-Я была в шоке. — Мужчины семьи Ан должны сражаться на поле боя и служить при дворе. Если маленькая госпожа будет выдавать себя за мужчину, это же преступление против императора!

— Я отравлена редким ядом и вряд ли доживу до начала года. Мое дитя с рождения повреждено и не сможет заниматься боевыми искусствами, — лицо Мужун Пиньжу стало холодным. — К тому же, когда ты видела, чтобы кого-то из семьи Мужун обижали?

— А-Я, тетюшка Чжан, я доверяю вам больше всех. Мое дитя теперь на вашем попечении.

После этих слов женщины удалились: одна — чтобы позаботиться об Ан Лэ, другая — чтобы

разнести по дому новость о том, что вторая жена родила богатыря-сына.

Ан Лэ, утомленная плачем, уснула. Мужун Пиньжу смотрела на сморщенного младенца с нежностью и тревогой: «Дитя, я не боюсь смерти, там меня кто-то ждет... Я боюсь лишь того, что ты останешься одна, беззащитная... Сможешь ли ты защитить то, что принадлежит семье Мужун?»

<http://bllate.org/book/21755/2249609>